

Огоньки памяти

О ветеране Великой Отечественной войны, заслуженном враче РФ, ведущем хирурге и почетном гражданине города Скопина Дроновой Марии Ивановне

Стоял конец июня. Усталая от бессонного дежурства в больнице, она возвращалась домой. Дорога петляла между домами Бугровки. Повсюду буйствовали пушистые одуванчики.

Она остановилась и долго, не отрываясь, смотрела на желтое «поле». Ее охватили воспоминания. Дорогие ее сердцу цветы уносили в далекое прошлое...

Одуванчики она полюбила еще на фронте. В сорок четвертом госпиталь, в котором она служила полковым хирургом, двигался на Запад вслед за войсками третьего Белорусского фронта. Шли ожесточенные бои с юго-восточной группировкой немцев. Госпиталь находился неподалеку, в пятнадцати километрах. Брезентовые палатки стояли прямо в поле.

Все как будто стало осязаемым и осязаемым. Она помнила все, будто было это вчера: и неумолкаемый грохот орудий, и оглушительные взрывы, сотрясающие госпитальные палатки, и стоны раненых. Будто только вчера занималась она сортировкой раненых, стояла у операционного стола, а потом всю ночь оформляла документы на эвакуацию в медсанбат солдат. Во фронтовых госпиталях редко можно было встретить хирурга-женщину. Тяжело было, не сразу все получалось. В мирное время ничего подобного ей не приходилось делать. Не будь войны, и она лечила бы детей. Но время требовало хирургов. В короткий срок постигала она премудрости военно-полевой хирургии. И все, что нарабаталось в войну, сохранилось у нее навсегда.

Это была ее первая самостоятельная операция. Бледный, как полотно, раненый боец лежал на операционном столе. Она склонилась, чтобы осмотреть. Из сапога текла кровь. При очередной перебежке во время обстрела наших позиций немцами, он, как и все, бежал в траншею. И уже там ощутил боль в ноге. Осколок фугасной бомбы повредил сосуды.

-Промыть надо хорошо, тампоны приготовьте... - попросила она помощника. - Пульс?

-Слабый...

С операцией торопились. Сняли лишь сапоги и разрезали ещё выше брюки. Осколок обнаружила почти сразу. Вот он, окутан мелкими и крупными сосудами. Она уже хотела аккуратно вытащить его, как вдруг

начался зенитный обстрел госпиталя. Канонада была непрерывной. А вскоре и бомбежка началась. Ветер загулял в операционной палатке.

У нее замерло сердце. Руки задрожали, а ноги налились свинцом. Ее охватили волнение и страх. Нужно как-то успокоиться и закончить операцию во что бы то ни стало! Но как?

Она отводит взгляд в сторону. Вокруг поле, изрытое войной, взрывы, стоны раненых, кровь и одуванчики. Надо же, живые. И, пойдя, разберись, кому сейчас труднее: ей - закончить операцию, или им выжить под огнем! Куда-то уходит волнение. Она снова берет тампон, высушивает рану, аккуратно вытаскивает осколок. Не спешит, но поторапливается. Прошивает и перевязывает сосуды один за другим. Все... Кровотечения больше нет. «Спасибо вам, одуванчики!»

Через несколько минут рана послойно зашита. Чуть выше колена несколько швов. Операция закончена. Солдата на носилках «увозят» в другую палатку. Он будет жить!

С того дня она считала, что нет на земле цветов дороже, чем одуванчики.

Она склонилась и сорвала цветок. Он давно отцвел и сменил свой желтый шарик на белый. В раскрытую ладонь она аккуратно складывала оторванные зонтики. Ветер поднимал их в воздухе, а потом опускал на землю. Будущим летом они снова вырастут, как «огоньки» памяти о той далекой, незабываемой войне.